

DOI: 10.22363/2313-1438-2017-19-1-7-14

КОНЕЦ ЭПОХИ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ*

П. Дуткевич¹, Д.Б. Казаринова²

¹Карлтоновский университет
С679 Леб, Оттава, Канада

²Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10/2, Москва, Россия, 117198

Кризис доверия двум основным столпам современного общества — государству (кейнсианству) и рынку (неолиберализму) — констатируют многие ведущие ученые как в России, так и в Европе и Америке. В мире все больше ощущается ситуация неопределенности и неустойчивости на всех уровнях от личного до глобального. Общества в ситуации глобализации, с одной стороны, и нестабильности, «конца знакомого мира» [1], с другой, становятся «текущими» [7], без устойчивой идентичности и нормативного стержня. Страх перед неизвестностью становится экономической и политической категорией, он проистекает от осознания принципиальной хрупкости личной и общественной экономической, политической, социальной безопасности [2]. Понятие посткризисного мира с 2008 г. и до настоящего времени не получило какого-либо позитивного определения, так как конец старого мирового порядка и его экономической модели всеми признается, но по поводу вектора формирования нового доминирует ситуация глобальной неопределенности, описываемая таким понятием, как *Interregnum*. То же происходит и с ценностями, которые еще недавно мыслились как универсальные, а сегодня встречают все более ожесточенное неприятие западного мира. И свидетельством начинающегося ценностного кризиса становится торжество популизма в ЕС и США.

Ключевые слова: конец глобального порядка, постглобальный суверенитет, сдвиг власти, текущее общество, страх как категория политического, популизм, *interregnum*

ПОЕЗД, СОШЕДШИЙ С РЕЛЬСОВ

Почему та форма глобализации, в которой мы живем сегодня, заканчивается и каковы последствия этого? Следуя логике рассуждений Ивана Крастева (Ivan Krastev) [10] и Зигмунта Баумана (Zygmunt Bauman) [5], автор приходит к выводу, что налицо окончание эпохи глобализации в том понимании, которое было принято в последние несколько десятилетий, и наступление дезинтеграции того, что мы называем глобальным порядком.

Все мы чувствуем наступление хаоса, наступление принципиально другого мира. В этом мире нормы международного права перестают определять межгосударственные отношения, меняются отношения внутри и между государствами, создаются новые блоки. Создаются мало- или совсем неуправляемые ситуации с точки зрения национальных государств.

* Статья подготовлена на основе открытой лекции *The end of globalization: reasons and consequences*, прочитанной П. Дуткевичем в Российском университете дружбы народов в рамках Проекта повышения международной конкурентоспособности российских вузов «5-100».

Все правительства национальных государств сталкиваются с проблемой управления, *governability*. Все функции государства стали реализовываться гораздо сложнее: собирание налогов, поддержание социального баланса, интеграция мигрантов, диалог с гражданским обществом и опорой государства — средним классом — задачи остались теми же, но прежние способы их достижения больше не работают. В поисках объяснения этого феномена можно следовать различными путями.

Первый подход предложил известный европейский политолог Иван Крастев, второй — макросоциолог Зигмунт Бауман. По Крастеву, проблема происходит от того, что после кризиса Великой депрессии все поверили в ведущую роль государства в регулировании экономики. Но в 60-е гг. XX в. государство перестало справляться с этой задачей, и кейнсианский подход использования государства в регулировании рынка ушел на второй план. На передний план тогда выдвинулись сторонники либерального подхода, для которых рынок был и целью, и средством, альфой и омегой. Потом либерализм переродился и стал карикатурой на самое себя. Милтон Фридман (Milton Friedman) [8; 9], который был удостоен Нобелевской премии по экономике «за достижения в области анализа потребления, истории денежного обращения и разработки монетарной теории, а также за практический показ сложности политики экономической стабилизации» задал парадигму, которая стала доминировать в способе осмысления экономики во всем мире. Но эта парадигма произвела потрясающий эффект, способствовал превращению гражданина в потребителя.

Такое превращение индивидуума из политического гражданина с локальной повесткой и пониманием общественного блага в потребителя, который в своем поведении руководствуется идеей экономической целесообразности, минимизирует издержки и максимизирует социальную прибыль, стало законом, который работал до кризиса 2008 г. В результате кризиса все распалось. Рынок стал не способен удержать глобальную экономическую систему. Мало того, что это произошло на Западе, но и в Китае, и в Юго-Восточной Азии. И в результате этого, по мнению Ивана Крастева, глобальный кризис стал кризисом не только экономическим, но и идейным: мы перестали верить и в силу рынка, и в силу государства, и во Фридмана, и в Кейнса.

Такой кризис тотального недоверия всем привычным основаниям социального бытия — огромный удар по мировосприятию западного человека. Запад держится на определенном уровне доверия институтам. Человек доверял государству, но более не может. Он доверял банкам — банки его обманули. Он перестает доверять стержням этой системы. Та чудовищная избирательная кампания по выборам президента США, эта полемика между Х. Клинтон и Д. Трампом — не что иное как последствия конца глобализации. По исследованиям 2012 г., около 11% представителей американского среднего класса потеряло свой статус, утратив порядка 40% своего благосостояния. Россияне пережили слом основ общественного устройства и шок от потери социального и экономического положения еще в 90-е гг., но для западного общества, привыкшего к гораздо большей стабильности и благополучию, этот шок грозит существенными переменами.

Начинается борьба за выживание не на национальном и региональном уровне, а на уровне индивидуума. Западное общество перестает быть обществом гарантированного выживания, а значит, обществом постмодерным. Это разрушает все социальные сети и политику как таковую. Человек политический интенционален вовне, он проявляет себя, он демонстрирует политическое поведение, идет на выборы, он верит в то, что его интересы будут услышаны и защищены. Сейчас это разрушается.

Второй способ объяснить, почему поезд глобализации сошел с рельсов — представления макросоциолога Зигмунда Баумана о современном состоянии общества как *Interregnum*, где парадигмы старого уже не работают, а парадигмы нового еще не сформулированы. Любое междуцарствие и отсутствие правил игры означают хаос. Можно согласиться с другим макросоциологом Майклом Манном (Michael Mann) — историческим макросоциологом, представителем неовеберинской школы социально-политических исследований, известным своими работами о государстве. Его теория основана на том, что большинство индустриальных национальных государств осуществляет управление с помощью инфраструктурной власти [11], которой граждане подчиняются не в силу принуждения, а добровольно в силу осознания выгод и удобств, которые она несет. По Манну, «инфраструктурная власть — это институциональная возможность... коллективная власть, „власть сквозь“ общество, координирующее общественную жизнь через государственную инфраструктуру. Государство определяется как совокупность центральных и радиальных институтов, проникающих через его территорию» [11]. Но сейчас инфраструктурной власти приходит конец.

КУДА ИДЕТ СИЛА?

На основе анализа этих двух подходов можно прийти к выводу, что центральной проблемой становится проблема новых оснований для управления и государством, и регионом, и глобальным порядком. И этим основанием опять становится сила. Но что есть сила в новых условиях, каковы ее источники и кто и каким образом может ее использовать? В отсутствии силы и государство, и рынок теряют свой смысл. Гарвардский ученый турецкого происхождения Дани Родрик (Dani Rodrik) [14] предложил интересный взгляд, утверждая разрыв между силой и политикой, порождающий кризис управляемости системой на национальном и глобальном уровне. Джонатан Нитцан (Jonathan Nitzan), автор книги «*Capital As Power: A Study of Order and Creorder*» [13], фокусирует внимание на природе капитала при капитализме и предлагает альтернативный марксистской и неоклассической экономике взгляд на этот вопрос. Капитал рассматривается им как количественная оценка силы, а сила понимается неклассически — как способность заставить следовать интересам субъекта влияния, а как способность оказать влияние для добровольного подчинения.

Дани Родрик утверждает, что в настоящее время мы наблюдаем передвижение силы в глобальном масштабе. В географическом измерении это сдвиг силы от глобального Севера к глобальному Югу, от развитых стран Европы и Америки

в сторону Юго-Восточной Азии. Помимо географического измерения есть и функциональное: силы вымываются из национального государства, происходит сдвиг локуса силы (shift of locus). Наличие центра без силы — ключевой момент управления системой на любом уровне сегодня.

Французский социолог Мойзес Наим (Moises Naim), автор книги «Конец власти» [12], предложил емкую формулировку: мы живем во время, когда власть/силу легко обрести, сложно применить и еще сложнее удержать. Причины этому, по М. Наиму, — это «революция множества», то есть поливариантность всего; «революция мобильности», то есть подвижность всего, «революция ментальности», когда коллективные ценности уступают место индивидуальным. В этих условиях даже маленькая неинституционализируемая группа может мгновенно приобрести глобальное влияние или существенным образом изменить способ существования того или иного государства.

ПРЕВРАТНОСТИ ПОСТГЛОБАЛЬНОГО СУВЕРЕНИТЕТА

В условиях размывания силы политический центр, лишенный ее, старается эту отсутствующую силу манифестировать, что влечет рост авторитарных тенденций. Сравнительный анализ десятка стран показал, что в последнее время независимо от географии расположения страны и ее политического режима, ее власти начинают принимать сходные управленческие решения. Вне зависимости от уровня демократического развития начинается политическая конвергенция методов управления. Это принципиально меняет понимание суверенитета. Классическое понимание суверенитета неразрывно связано с наличием контроля, суверенитет как независимое от каких-либо сил, обстоятельств и лиц верховенство. Это суверенитет в понимании XIX в., когда, обладая силой, политический субъект обладает всей полнотой возможностей поступать по своему усмотрению.

Однако «глобализация не только меняет социоэкономическую и политическую картину мира, но и трансформирует внутреннюю сущность суверенитета, изымая у государства функции организации и управления физическим пространством. Речь идет о формировании новых подходов и центров управления, возникновении новых средоточий экономической власти и могущества, легитимной глобальной интервенции» [4. С. 101].

Но в условиях повсеместного распространения навязанных стандартов доминирующей рациональности (external standards of rationality) речь идет о постглобальном суверенитете, который принимает внешние стандарты рационализации своего поведения. Встает вопрос о потенциале политической субъектности, понимаемой как совокупность самоосознания, самодетерминации и самопроектирования политической общности в условиях глобального мира и способности ее продуцировать (в противовес стратегии заимствования субъектности) [3]. Если сила лежит вне границ национальных государств, то существует два варианта укрепления национального суверенитета: сохранение его с опорой на военную мощь (стратегия В. Путина) или глобальная гегемония посредством подписания глобаль-

ных международных торговых договоров (стратегия Б. Обамы). Какая из стратегий сможет быть реализована и окажется эффективной — вопрос открытый.

СТРАХ КАК ПОЛИТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

Перспектива применения военной мощи в ответ на внешнюю угрозу стала гораздо более осязаемой в последние несколько лет. В серии передач канала Al Jazeera «Contemporary Fear» убедительно показано, что в условиях глобальной неопределенности, отсутствия власти, тотального недоверия институтам страх становится одной из ведущих эмоций современного человека. Страх не только как психологическая, но и экономическая и политическая категория бытия становится доминирующим фактором глобального масштаба в международных экономических и политических отношениях. Психологи определяют причины возникновения страха на индивидуальном уровне: чувство одиночества, отверженности, подавленности, угрозы самоуважению, ощущение собственной неадекватности. Быстро развивающийся и технически, материально и идейно стремительно обновляющийся современный мир создает условия для развития таких чувств как у индивидуума, так и на уровне целых обществ. Если кратковременный страх может послужить импульсом к объединению и защитной реакции общества, то длительный диффузный страх перерастает в состояние тревоги, подавленности, что выливается в социальную стагнацию.

З. Бауман видит в качестве последствий этого формирование текучего, плавающего общества (*liquid society*), которое отличает от премодернистского и постмодернистского общества отсутствие твердого стержня. В таком обществе идентичность является функцией рыночных отношений.

В отличие от обществ с твердым культурным ядром, которые осознают свое место в наличной социальной структуре, плавающее общество порождает текучий страх (*liquid fear*) [6]. Источник и направленность этого страха не ясны. В этих условиях общество начинает искать более или менее определенного врага и делать попытки вернуться в стабильное прошлое, отсюда резкий рост правого популизма по всему миру. Эта социальная наивность оказывается оправданной, потому что истоки и рычаги этого страха идентифицировать невозможно. Индивидуумы ощущают хрупкость личной ситуации, общества — хрупкость ситуации своей страны и всего мира в целом.

Популизм также проявляется, во-первых, в недоверии элитам, а во-вторых, в кризисе нормативной составляющей общественной системы. Людям кажется, что при перевороте способа мышления и нормативной системы они приобретут новое качество жизни. В-третьих, проявлением популизма является идея нового мира, которая привлекает в ИГИЛ (запрещена в России) множество сторонников. Идея нового мира как альтернативы существующему несправедливому порядку всегда была сильной идеологией, которой сложно противостоять. Все эти столь разные проявления популизма объединяет то, что они отрицают рациональные способы поведения и отвергают объективность наличной ситуации. Это мягкая революция, и она уже началась. Во многих странах мира популизм левый и правый, религиоз-

ный и секулярный проявляется в разных формах: в форме ИГИЛ, Брексита или победы Д. Трампа и социального бунта против вашингтонских элит, во Франции он проявляется как исламофобия, в Польше — как возврат к крайне традиционалистскому обществу. Таким образом, популизм во всем его многообразии — единственная идеология, которая адекватно отвечает на проблему страха. Потому что в условиях страха популизм предлагает смести все то, что страшит в современном мире, и вернуться к золотому веку в прошлом, к корням, истокам, простым мыслям и простым рецептам.

ЕСТЬ ЛИ АЛЬТЕРНАТИВА? / НЕТ МОДЕЛИ, ЕСТЬ ПРОЦЕСС

Безусловно, глобальные процессы будут продолжаться, но они будут продолжаться в русле интернационализации. Общение в социальных сетях, движение информации и капиталов поверх национальных границ будет продолжаться и даже расти. Но в то же время глобализация пойдет по пути регионализации, а попытка удержать определенные рычаги силы будет проходить на региональном уровне. Примерами этой тенденции становятся региональные проекты «Один пояс — один путь», Евразийский экономический союз, НАТО, дискуссия между США и ЕС об общем рынке в формате Трансатлантического партнерства. Регионализация будет приводить к вторичному расслоению международных отношений.

Какова же модель будущего социально-экономического порядка? Такой модели нет, но есть процесс. Это видно на примере успешного развития Китая, где не существует как таковой определенной экономической модели, а есть процесс, сочетающий в себе государственный контроль и неолиберальный рынок. Вот это сочетание экономического либерализма и жесткого госуправления в политической сфере стало основой успеха Юго-Восточной Азии. Надо верить не только в Кейнса или во Фридмана, а и в Кейнса, и во Фридмана, и в национальную основу, которая отражает политическую и историческую культуру данного общества. Таким образом, перспектива успешного развития открывается только перед теми обществами, которые сохраняют силу, политическую субъектность и государственную управляемость, остальные же обречены на еще большие трудности. И границы этого раскола будут проходить не по привычной линии глобального Запада и глобального не-Запада, а совсем по другим основаниям. Новые региональные группировки будут закладывать новые правила игры, и в этом смысле это означает конец глобализации. Глобализация, которая привела к унификации норм, достигла своего предела, грядет новое расслоение мира, в том числе и по нормативному основанию. Примером этому становится разница подходов (языке, целях, задачах, способах их реализации), заложенных в Азиатский инфраструктурный банк, с одной стороны, и МФВ и Всемирный банк, с другой. В перспективе есть определенная надежда, что эти региональные блоки и их нормативные проекты создадут ситуацию конкуренции, которая даст новый толчок глобализации и бурному росту и развитию через несколько десятилетий (если сослаться на И. Валлерстайна). Годы до этого мир будет жить в условиях неопределенности и текущей современности.

Исходя из сказанного можно утверждать важность институтов, которые обеспечивают сильное государство. Это означает потерю определенного уровня свобод.

Этот процесс (не модель) развития закладывает ограничение демократических свобод. Процесс этот носит глобальный характер, так как во всем мире ценности свободы входят в противоречие с широко понимаемыми ценностями безопасности.

РОССИЯ: ДВАДЦАТЬ ЛЕТ В УСЛОВИЯХ АНОМИИ И ГЛОБАЛЬНОЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

Эти процессы осмысляются социальными философами на Западе как новые, в то же время российское общество живет в условиях не до конца сформировавшейся идентичности, личной и общественной нестабильности, низкого уровня межличностного доверия и недоверия к институтам, а также ценностной аномии уже третий десяток лет. В этом смысле россияне и жители постсоветского пространства имеют определенное конкурентное преимущество, выработав определенные стратегии выживания. И если с экономической точки зрения локус силы в России сдвинулся, то военно-политическая мощь, амбиции регионального лидера и политическая субъектность, свобода от внешних стандартов рациональности позволяют России претендовать на место среди стран, которые окажутся в роли локомотивов региональных блоков и авторов альтернативной нормативной системы. России важно успеть преодолеть имеющую место текучесть, не свалиться в радикализм и популизм и выступить с инициативами для всего Евразийского макрорегиона и эффективно конкурировать в гонке интеграций с растущим Китаем и слабеющим Евросоюзом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Валлерстайн И.* Конец знакомого мира. Социология XXI века. М.: Логос, 2004.
- [2] *Дуткевич П.* Рынок, модернизация и демократия. Размышления о межцивилизационных отношениях URL: http://www.lihachev.ru/pic/site/files/lihcht/2012_Sbornik/2012_Dokladi/2012_plen/021_2012_plen.pdf.
- [3] *Казаринова Д.Б.* Ценностно-политические проекты и геополитическая субъектность в современном мире // Поиск. Альтернативы. Выбор. 2016. № 2.
- [4] *Пономарева Е.* Суверенитет в условиях глобализации // Свободная мысль. 2007. № 11.
- [5] *Bauman Z.* 44 Letters from the Liquid Modern World. Cambridge: Polity, 2005.
- [6] *Bauman Z.* Liquid Fear. Cambridge: Polity. 2006.
- [7] *Bauman Z.* Liquid Times: Living in an Age of Uncertainty. Cambridge: Polity, 2006.
- [8] *Freidman M.* Capitalism and Freedom. Chicago, 1962.
- [9] *Freidman M.* A Theory of the Consumption Function. Chicago, 1957.
- [10] *Krastev I.* In *Mistrust We Trust: Can Democracy Survive When We Don't Trust Our Leaders?* TED books, 3 January 2013.
- [11] *Mann M.* The Sources of Social Power: Volume 2, The Rise of Classes and Nation States 1760—1914. Cambridge University Press, 1993.
- [12] *Naim M.* The End of Power: From Boardrooms to Battlefields and Churches to States, Why Being In Charge Isn't What It Used to Be. Basic Books, 2013.
- [13] *Nitzan J., Bichler S.* Capital as Power. A Study of Order and Creorder. Routledge, 2009.
- [14] *Rodrik D.* The Globalization Paradox. Norton & Company, Inc. 2011.

DOI: 10.22363/2313-1438-2017-19-1-7-14

THE END OF GLOBALIZATION: REASONS AND CONSEQUENCES

P. Dutkiewicz¹, D.B. Kazarinova²

¹Carleton University
C679 Loeb Building, Ottawa, Canada

²Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
Miklukho-Maklaya str., 10/2, Moscow, Russia, 117198

The crisis of trust in two pillars of modern society — in state (Keynesian approach) and in market (neoliberal approach) is recognized by many leading scientists as from Russia, so from Europe and America. The world becomes more uncertain and unsustainable from personal to global level. Globalization from one hand and uncertainty and the “end of the world as we know it” from the other hand make societies become “liquid”, without sustainable identity and normative core. The fear gets an economic and political term and comes from realizing fundamentally fragile personal and common security in economic, political and social fields. Post crisis world still had not been determined since the end of old world order is evident but there is no idea about the new. The situation of global uncertainty — Interregnum — dominates. The same comes to the values which used to be recognized as universal but now they face hostility of non-western world. The populism revenge in USA and Europe is a strong indication of this process.

Key words: end of global order, crisis of governability, postglobal sovereignty, shift of power, shift of locus, liquid society, fear as political category, populism, interregnum

REFERENCES

- [1] Wallerstein I. *The End of the World as We Know It: Social Science in the Twenty-first Century*. Moscow, Logos, 2004 (In Russ).
- [2] Dutkiewicz P. *The Market, Modernization and Democracy. Thinking about Relations among Civilizations*. Available from: http://www.lihachev.ru/pic/site/files/lihcht/2012_Sbornik/2012_Dokladi/2012_plen/021_2012_plen.pdf (In Russ).
- [3] Kazarinova D.B. Values and Political Projects and Geopolitical Subjectness in the Modern World. *Poisk, alternativy, vybor*. 2016; 2 (In Russ).
- [4] Ponomareva E. Sovereignty in terms of globalization. *Svobodnaya mysl*. 2007; 11 (In Russ).
- [5] Bauman Z. *44 Letters from the Liquid Modern World*. Cambridge: Polity; 2005.
- [6] Bauman Z. *Liquid Fear*. Cambridge: Polity; 2006.
- [7] Bauman Z. *Liquid Times: Living in an Age of Uncertainty*. Cambridge: Polity; 2006.
- [8] Freidman M. *Capitalism and Freedom*. Chicago; 1962.
- [9] Freidman M. *A Theory of the Consumption Function*. Chicago; 1957.
- [10] Krastev I. *In Mistrust We Trust: Can Democracy Survive When We Don't Trust Our Leaders?* TED books, 3 January 2013.
- [11] Mann M. *The Sources of Social Power: Volume 2, The Rise of Classes and Nation States 1760—1914*. Cambridge University Press; 1993.
- [12] Naim M. *The End of Power: From Boardrooms to Battlefields and Churches to States, Why Being In Charge Isn't What It Used to Be*. Basic Books; 2013.
- [13] Nitzan J., Bichler S. *Capital as Power. A Study of Order and Creorder*. Routledge; 2009.
- [14] Rodrik D. *The Globalization Paradox*. Norton & Company, Inc.; 2011.